

Дедушка Лу повесил его картину в музее искусств, выставив ее рядом со многими другими известными работами, чтобы весь мир увидел, насколько старик ценит его, и он, конечно, в будущем время от времени будет звонить сам, чтобы поговорить о его картинах.

Как и Лу Цзинчэн, тетя Ван тоже надеялась, что он сможет сказать больше хорошего о Лу Цзинхане в присутствии старика.

Ся Сяому улыбнулся ей: «Брат Хань несколько раз спасал меня и заботился обо мне так хорошо, что у меня не было возможности поблагодарить его как следует. У брата Ханя есть и способности, и характер, и мои одноклассники называют его богом. Если у меня будет возможность в будущем, я обязательно сообщу дедушке Лу, что у него есть внук, которым он может гордиться».

Какой умный мальчик, он сразу все понял.

Тетя Ван посмотрела на него с облегчением: «Что Сяому хочет съесть на обед, я пойду и приготовлю это для тебя позже».

«Я не привередлив, я буду есть все, что приготовит тетя Ван».

«Тогда как насчет того, чтобы приготовить для тебя лапшу с морепродуктами, Цзинхань сказал, что тебе нравится такая еда».

Как Лу Цзинхань узнал, что мне это нравится?

Узнал ли он об этом в частном порядке?

Поскольку тетя Ван была рядом, чтобы помочь, Ся Сяому быстро нарисовал эскиз, пересматривая несколько раз и, наконец, достиг результата, который его удовлетворил.

Он обещал вчера красить стену вместе с Цзинъи, но та еще не вернулась, поэтому не стоило торопиться.

Ся Сяому вернулся в свою комнату, чтобы отдохнуть, и взял свой телефон, вспомнив, что не отправил Нин-Нин фотографию Лу Цзинханя.

Он открыл телефон, чтобы посмотреть на фотографию Лу Цзинханя, которую он сделал, потому что это была фотография, которую можно было держать в руках и внимательно рассматривать.

Лу Цзинхань за обеденным столом со склоненной головой и опущенными глазами, его высокий нос, красивый профиль... после минутного рассматривания он выглядел все лучше и лучше в глазах Сяому.

На следующей странице - фотография его спины, идущей по коридору, с одной рукой в кармане свободного халата, с вертикальным положением тела, с видом непринужденным и уверенным.

Когда он пролистал до последней фотографии, где он был в майке в гардеробе, рука Ся Сяому задрожала, и он поспешно опустил телефон.

Вспомнив о том, что произошло сегодня утром, Ся Сяому снова покраснел. Он не удержался и снова открыл телефон, чтобы заглянуть, и хотя в комнате никого не было, он все равно чувствовал себя вором и несколько мгновений смотрел налево и направо, прежде чем позволить себе взглянуть на краденое фото.

Какое великолепное тело!

Ся Сяому яростно тряхнул головой, отгоняя дурные мысли, внезапно возникшие в голове, нажал на аватарку Нин-Нин в WeChat, хотел отправить ей несколько фотографий, но, его палец замер над кнопкой и... отступил.

Мало того, что он украл это фото, так его сердце теперь еще и жалеет Лу Цзинхяня, или он просто пожадничал... Ся Сяому передумал отправлять столь откровенное фото Нин-Нин.

□□□

После возвращения юной барышни Лу, Ся Сяому взял ее с собой, чтобы приступить к покраске стен. Чтобы краска не попала в комнату, он сначала положил на пол слой пергаментной бумаги, а затем покрыл все прилегающие стены и дверцы обувных шкафов.

Цзинъи, в нежном платье от Шанель, с волосами, завязанными в пучок, сидела на корточках рядом с ведром краски, с любопытством перемешивая ее и принюхиваясь, с кистью в руке, жаждущей опробовать свои силы.

Ся Сяому напомнил ему: «Цзинъи, иди и переоденься, тебе потом придется подниматься по лестнице и делать это в юбке будет крайне неудобно».

Цзинъи подняла лицо вверх и спросила его: «О, хорошо, можно ли надеть спортивную одежду?»

«Да!»

Тетушка Ван: «Не следует ли тебе также надеть шляпу, если краска попадет на волосы, она не смывается».

«У тебя есть шляпа?»

«Вот это сгодится!» Тетушка Ван нашла несколько газет, сложила их в несколько раз и сделала три шляпы.

Три шляпы.

Ся Сяому улыбнулся: «Тетя Ван, вы тоже хотите помочь?»

Тетя Ван застенчиво улыбнулась: «Я думаю, это весело, это же краска, которую можно смыть, но не важно, если я ошиблась».

Это правда.

Ся Сяому показал им двоим нарисованный рисунок на видном месте, и после смешивания красок они разделили несколько кистей разного размера.

После обучения технике и детализации, все трое взяли кисти и начали рисовать, сначала все трое были очень серьезны, но вскоре они уже были расслаблены и начали болтать.

Ся Сяому посмотрел на тетю Ван и Цзинъи, которые сгрудились вокруг него, обе в шляпах, сложенных из газет, и со счастливыми улыбками, и вдруг его сердце перевернулось от легкого тепла.

В его старом мире у него было не так много родственников или друзей, и когда ему было скучно, он просто закрывался в своей комнате и рисовал, и он привык жить в тишине и одиночестве.

Но сейчас он чувствовал, что хорошо быть живым.

Тетя Ван сказала: «Кстати говоря, на следующей неделе будет шестнадцатый день рождения Цзинъи, вы уже решили, что будете делать на этот день?»

«А что я могу сделать?» Цзинъи вздохнула: «Мои одноклассники предлагают мне вечеринку в честь дня рождения в караоке, но не думаю, что мой брат согласится».

Тетя Ван спросила: «Ночью? Ой, это может быть опасно, да?»

Цзинъи скривила рот и пробормотала: «Опасно, ах, что тут такого, мои одноклассники часто ходят в караоке или интернет-кафе Аркада. Мне тоже хочется, я просто хочу повеселиться с одноклассниками, а теперь они все начинают говорить, что я не вписываюсь, если так будет продолжаться, то, наверное, у меня вообще не останется друзей».

Ся Сяому слушал слова Цзинъи, и в его сердце зародилось смутное беспокойство. В романе, именно благодаря строгой дисциплине Лу Цзинханя, у Цзинъи постепенно развилось мятежное сердце, которое в результате ряда событий вылилось в негодование.

Бунт сестры в конце романа также является самой большой точкой оскорбления для главного героя-мужчины, Лу Цзинханя.

<http://bllate.org/book/15896/1419183>